

«Царь». Очищение верой

Публичное представление российской истории времен Ивана Грозного, в каком жанре оно бы ни было отражено, – всегда испытание для действующей власти, лакмусовая облатка на общественном мнении о ее современных деяниях. Так было с хрестоматийным фильмом С. Эйзенштейна (здесь царь – одинокий страдалец: его жену отравляют, на него готовят покушение, вокруг враги, предатели и даже опричники вызывают симпатию. Первая серия снималась в военное время. Во второй серии режиссер позволил себе показать изменения в характере Ивана – через ужасы, страхи, недоверие. В результате фильм был запрещен, а сам Эйзенштейн подвергся гонениям).

Так было и почти полутора столетиями раньше, когда автор «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин, завершив работу над девятым томом своего эпохального труда, ожидал разрешения на его публикацию. Процедура предусматривала публичное выступление в Российской академии наук и требовала известного мужества. Но положение историографа, непредвзятого, лишенного способности оправдывать прислужничество власти обстоятельствами «государственной важности», было осложнено резкими расхождениями между ним и Императором Александром I по вопросу произвольного изменения исторически сложившихся границ державы. Тем не менее Николай Михайлович решается на этот шаг гражданственности, продолжив тем самым славную традицию русской словесности, идущую от Державина, Жуковского, Пушкина и поддержанную впоследствии А.К. Толстым, – говорить правду в лицо самодержцам. Исследователь творчества Николая Михайловича, профессор А.Ф. Смирнов дает нам представление о том знаменательном событии [1].

Для чтения была избрана глава девятого тома «О перемене Иоаннова царствования, о начале тиранства, о верности и геройстве россиян, терзаемых мучителем». Чтение вышло за пределы чисто академического мероприятия, которое только и разрешал Император: собравшаяся больше обычного ученая публика рукоплескала, оратору преподнесли цветы, а самодержец вынужден был признать труд «академическим торжеством историографа».

Но с ним не соглашался цесаревич Константин, заявляя, что нельзя позволять открыто обсуждать и осуждать кровавый произвол Грозного, не нанося удар по престижу царской власти. Член Российской академии, митрополит Филарет писал, что не может без ужаса вспомнить об этом публичном обнажении зла, обличении мрачных черт Грозного.

Речь затронула умы широкой общественности еще и потому, что историограф не ограничился анализом личности только одного царя. Как свидетельствуют современники, Карамзин вывел общие признаки деспотизма, ставящие Ивана Грозного в один ряд с Фаларидом и Калигулой (не зря в просвещенных кругах Карамзин снискал славу русского Тацита!). И они распространялись на окружение правителя, указывая орудия тирана и расширяя самое субъектное поле тирании от персоны ко множеству личностей, наделенных наихудшими свойствами холуйства и подлости. «Россия видела себя под жезлом возникающей олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей. Самодержец уподобляется раздраженному божеству, перед коим надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имеют сей выгоды в глазах народа: он видит в них людей ему подобных и тем более ненавидит злоупотребление власти» [2, с.123].

Опричнина – это «авторское» управленческое изобретение Ивана IV, хорошо знавшего теорию и практику подобных элитных образований и вызвавшее множество подражаний под иными именами. Она была создана по примеру многих организаций военно-теократических деспотий (рыцарских орденов – храмовников, меченосцев и др.). В основе ее лежит идеология истребления – служба по признакам личной,

бездумной, неосмысляемой преданности царю, беспамятного и бессовестного отмежевания от единящих русскую общину уз, распутное удальство и беспримерная жестокость. Но в отличие от мировых исторических аналогий, государь направлял это смертоносное орудие не против «неверных», а против собственного народа. Чтобы достичь единственной цели – абсолютной власти. Для этого, пишет исследователь, нужно было «разбить, разъединить великую нацию, натравить одну часть на другую, разжигая самые дикие, низменные, животные инстинкты, сея всюду страх, ненависть и плодя тучи, стада шпиков, сексотов, доносителей, льстецов, палачей. История свидетельствует в который раз, что только подобными подлыми методами и возможно разъять и скрутить великий гордый народ, убивая лучших его сынов, всех оглупив, и только истребив носителей мужества, совести, разбив ядро нации, можно уцелевших поставить на колени» [2, с.342].

Карамзин первым в истории отечественной мысли поднял голос обличения против бессрочного пребывания правителя у власти. Более чем пятидесятилетнее царствование Ивана Грозного дало исследователю беспримерный материал для подтверждения диагноза: безграничная, абсолютная власть развращает личность абсолютно, выжигая до животного основания ее нравственные начала. Логическая узость постулата, заключающего в себе бездну античеловеческого, может быть преодолена только безграничностью чувственности, переживанием истории с силой катарсиса. Биограф отмечает, что Карамзину (великому знатоку русской речи!) как бы не хватало слов для выражения всех страданий и мук, обрушившихся на русский народ. «Да и каким масштабом измерить, какими словами обозначать преднамеренное истребление соотечественников?!» [2, с.342]. Такая задача в исторической перспективе по силам только искусству.

Эпоха Ивана Грозного в отечественной литературе, живописи, театре и кино представлена многими талантливыми произведениями. Однако творцов не привлекает тот период его правления, без которого, может быть, и не сформировалась бы та историческая память, что более четырех веков возвращает потомков к его фигуре.

В «Истории государства Российского» отражены свидетельства англичан об Иване IV: «Иоанн затмил своих предков и могуществом и добродетелию; имеет много врагов и смиряет их. В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив; любит разговаривать с ними, часто дает им обеды во дворце и, несмотря на то, умеет быть повелительным… Одним словом, нет народа в Европе, более россиян преданного своему государю, коего они равно и страшатся и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во все входит, все решит; не скучает делами и не веселится ни звериною ловлею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить богу и как истреблять врагов России!» [2, с.279].

И вместе с нами историограф восклицает: «Вероятно ли, чтобы государь любимый, обожаемый, мог с такой высоты блага, счастия, славы низвергнуться в бездну ужасов и тиранства? Но свидетельства добра и зла равно убедительны, неопровержимы; остается только представить сей удивительный феномен в его постепенных изменениях [2, с.279].

Н.М. Карамзин делает это с очевидной последовательностью, представляя нам не просто констатацию фактов, но своеобразные психологические заключения, заканчивая каждую страшную страницу фразой, готовящей читателя к следующим леденящим душу откровениям летописцев: «Открывается новый феатр ужасов» [2, с.345].

Такого вот современного целостного художественного осмысления эпохи ни в литературе, ни в кинематографе пока нет, хотя интерес к личности Иоанна Грозного в России велик. В меру сил старался быть убедительным **Народный художник СССР И.С. Глазунов, представлявший в недавнем телевизионном проекте «Имя Россия» интересы тех россиян, которые считают Ивана Грозного образцом государственного деятеля** [3].

«Иван Грозный – одна из величайших фигур нашей истории, на которого пытались и пытаются вылить немало грязи, обвиняя его в ненужной жестокости. Западные историки упорно называют его «Иван Терибл», или по-немецки «Иван Шреклих», что в переводе значит «Иван Ужасный». Царь Иван был Грозным, а не Ужасным, уточняет И. Глазунов, внося и для русского уха необходимую коррекцию.

Адвокатируя правителю, художник отмечает, что он немало сделал для укрепления и расширения Русского государства. Он выиграл многие войны, основал более 20 новых городов, среди которых Курск, Воронеж, Орел, Белгород, Елец, Архангельск и другие. «Без Ивана Грозного сегодня не было бы ни «Газпрома», ни якутских алмазов, ни Братской ГРЭС», – считает Илья Сергеевич. А что касается принесенных им «бесчисленных жертв», то за все время царствования они составили 4 тысячи – часть одной только Варфоломеевской ночи, когда 10 тысяч гугенотов были убиты, истреблены в пламени религиозных распрей «просвещенной» Европы.

И.С. Глазунов отметил, сославшись на американского исследователя Р. Пайпса, что для Запада история России – это троица: Иван IV, Петр I и Иосиф Джугашвили (Сталин). Но он категорически против проведения аналогий между режимами Ивана Грозного и Сталина. «В советское время, да и сегодня на Западе многие сравнивают несравнимое… Что может быть общего между кровавым генсеком, проводившим геноцид русского народа, и великим царем, борющимся с врагами России во имя Православия и державы русской!? Царь Иван вел войны и карал врагов объединения Руси, но у его царствования была и другая сторона: при нем был Стоглавый собор, подъем искусства; царь писал стихиры и духовные поучения. Да, была смерть Святителя Митрополита Филиппа, но были и постоянные молитвы государя. Как же можно сравнивать его и Сталина, убившего миллионы в безбожии? Сталин является гением всех времен и народов по проведению геноцида собственного народа» [4].

Последнее «заступное» слово в пользу Ивана Грозного как имени России звучало примерно так: «Нечего канонизировать Ивана Грозного, но и нечего его демонизировать».

Что ж, может быть, народный художник ближе всего к выводу историографа: «Худых царей наказывает только бог, совесть, история: их ненавидят в жизни, клянут и по смерти. Сего довольно для блага гражданских обществ, без яда и железа; или мы должны отвергнуть необходимый устав монархии,

что особа венценосцев неприкосновенна. Тайна злодеяния не уменьшает его» [2, с.141].

Но вот фильм «Царь» Павла Лунгина представился мне такой феноменальной возможностью – потомкам судить о царе Богом, совестью и историей. Где Бог и совесть соединилась в образе митрополита Филиппа, а история – это каждый, кто дал себе труд иметь представления о времени, в которое нас погрузили создатели фильма.

Сам режиссер-постановщик в своих многочисленных интервью говорит, что ставил фильм о том, как власть в России пытается быть Богом. А власть не Бог. Бог над властью. Власть не замыкает собой мир и все интересы мира. Страшно жить в стране, которая поклоняется власти и больше ничему. Бог, в понимании П. Лунгина, – это высшее устройство мира, мораль, идеалы, понятие о добре и зле. А что же власть? **Послушаем автора** [5].

«Мы живем миражами, мифами. И они говорят: да, Грозный жесток, он лил кровь, но такой и был нужен России. Не было бы его – и России бы не было. На самом деле, Русь древнюю объединил его дед, а последствия правления Грозного плачевны. Он проиграл все войны, которые можно было проиграть, разрушил крупные города, обезлюдил, прервал династию Рюриковичей. Самое ужасное – из него вышло Смутное время, в которое было невероятное падение нравов, нравственности и морали. Поэтому думать и говорить, что болезненная, часто бессмысленная жестокость царя спасла Россию, на мой взгляд, неправильно.

Фильм С. Эйзенштейна – еще один миф. Я не думаю, что он любил Грозного. Он вообще не коснулся психологии его личности. Фильм антипсихологичен, на мой взгляд. Но в нем есть невероятная эстетика. Режиссер как гений, как великий художник ушел в божественную, эстетическую красоту.

Я пытался рассказать свой миф, свою историю об Иване Грозном и внедрить в этот миф реальную личность митрополита Филиппа, русского святого, который нашел в себе силы, мужество христианское и человеческое принять смерть, принести себя в жертву, попытался остановить эту кровь. Но это ему не удалось, к сожалению. Добро здесь не побеждает.

В фильме «Царь» происходит, по сути, столкновение двух характеров – Ивана и митрополита Филиппа. Филипп Колычев был великим архитектором, он выстроил Соловецкий монастырь, был инженером, изобретателем, делал автоматы по разливанию кваса и испечению хлеба, растил виноград, при помощи бактерий осушал болота и там добывал железо. Я вижу просто русского Леонардо да Винчи. Его столкновение с Грозным было неизбежным. (Заметим, что по этому поводу Н.М. Карамзин написал: «Умереть за благодетель есть верх человеческой добродетели, и ни новая, ни древняя история не представляют нам героя знаменитейшего» [2, с.349].)

«Олег Янковский, сыгравший роль Филиппа, сделал это необыкновенно, – продолжает П. Лунгин. – До этого ему приходилось играть людей талантливых, остроумных говорунов, а здесь нужно было промолчать весь фильм. Это дико трудно. Мы видим только его глаза, видим, как он вбирает в себя эту боль, как постепенно в нем вызревает невозможность жить. И его герой принимает решение: лучше попытаться остановить беду – что означает уйти из жизни – чем продолжать самодовольно жить. Олег сделал это так убедительно, я был просто восхищен.

Грозный – талантливый человек, литератор, у него блестящее перо. Он очень любил писать покаяния. В фильме Петр Мамонов практически говорит цитатами из самого Грозного.

Помимо Карамзина, Соловьева, Ключевского, я прочитал много новых очень разных книг: труды Володихина, Скрынникова и др. (Очень рекомендую книгу Дворкина «Грозный – еретический тип». В ней много писем, покаяний.) Но самое главное, я читал много воспоминаний людей того времени. Опубликованы мемуары немецкого опричника Генриха Штайна. От них волосы встают дыбом…

Вокруг исторической территории Грозного происходит много разных идеологических споров о будущем России. И обращение именно к этому периоду нашей истории понятно. Дух опричнины живет у нас по сей день. Фраза Грозного: «Как человек, я грешен, как государь, я праведен» – изначально оправдывает любое его деяние. Власть дает чувство праведности. Это опаснейшая вещь, которая оправдывает любую безнравственность. Ты каешься и продолжаешь делать то, что ты делал.

Грозный разделил государство на две половины – опричнину и остальные земства, и между ними велась чуть ли не гражданская война. При этом указ царя в суд гласил: судите по справедливости и по строгости – чтобы опричник всегда был прав. Это главная вещь – трагедия властной исключительности, которая мешает развиваться России.

Развивая линию царя и митрополита, мне не удалось впустить в фильм третье лицо – народ, хотя мы долго над этим бились. Ответ народа только один за время правления Грозного – когда он не пришел на праздник казни. Люди испугались, закрылись, забаррикадировались. Это реальная история, описана у Н.М. Карамзина. Я придумал только эти невероятные пыточные штуки, которые показаны в фильме…» [5]

«… Таков был царь; таковы были подданные! Ему ли, им ли должны мы наиболее удивляться? Если он не всех превзошел в мучительстве, то они превзошли всех в терпении, ибо считали власть государеву властию божественною и всякое сопротивление беззаконием; приписывали тиранство Иоаннову гневу небесному и каялись в грехах своих; с верою, с надеждою ждали умилостивления, но не боялись и смерти, утешаясь мыслию, что есть другое бытие для счастья добродетели и что земное служит ей только искушением; гибли, но спасли для нас могущество России: ибо сила народного повиновения есть сила государственная» [2, с.360].

Увидим ли мы такое? Хотя бы в кино.

Ольга ЛЕДОВСКАЯ

Литература

1. *Смирнов А.Ф.* Николай Михайлович Карамзин. М.: Издательский концерн «Российская газета», 2005.
2. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 4-х книгах. Книга третья (т. VII-IX). Ростов н/Д: Ростовское книжное изд-во, 1990.
3. http://www.nameofrussia.ru/video.html?id=3964
4. http://www.nameofrussia.ru/doc.html?id=3902
5. http://vladimirpozner.ru/?p=2070